

А. М. СТЕПАНОВ

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ*

Исследование миграционных процессов в современных социальных науках характеризуются дисциплинарной и методологической фрагментацией, отсутствием единого подхода к проблеме исследования. Цель настоящей статьи — предложить один из путей построения концептуальных рамок исследования современной миграции, основанный на соединении сравнительного транснационального подхода и социологии повседневности. Такой подход позволит преодолеть дисциплинарные ограничения и учесть влияния сходств и различий в политической, экономической, социальной, культурной сфере в исторической динамике миграционных процессов, а также позволит анализировать неформальные практики и повседневные взаимодействия транснациональных мигрантов как в принимающем обществе, так и в стране исхода. Ключевым понятием данного подхода является понятие «транснациональные практики». В статье приводится авторское определение данного понятия, а также обоснование необходимости обращения к методологическому аппарату социологии эмоций при изучении повседневности транснациональных мигрантов, включающую реализацию транснациональных практик.

Ключевые слова: транснациональные практики, транснационализм, миграция, социология повседневности, миграционный процесс, мигрант.

Введение

Миграция населения, представляя собой сложный и многомерный социальный процесс, оказывает влияние на все сферы жизни современного общества.

Миграция населения может рассматриваться как феномен и как объект исследования. Как феномен — процесс перемещения людей — она представляет собой важную социальную проблему, в том числе для жителей постсоветского пространства (Скворцов 2015). Постоянно возрастающая интенсивность миграционных потоков сделала миграцию объектом большого количества разнообразных исследований: практически любая социальная наука сегодня в той или иной степени занимается проблемами миграции людей. Как объект исследования,

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16-33-01123-ОГН.

миграция трактуется по-разному, что выражается в формулировках разных исследовательских проблем в рамках различных областей науки. Можно говорить о том, что исследования миграции (*migrationstudies*) существуют как «междисциплинарное тематическое поле, в котором работают представители разных дисциплин: социологи, демографы, социальные географы, антропологи, политологи, экономисты» (Резаев 2017: 4). Столь высокий исследовательский интерес со стороны экономистов, юристов, географов, антропологов, социологов и др. формирует междисциплинарную и методологическую фрагментацию, при этом их концепции и методы изучения данного феномена могут даже противоречить друг другу.

Стремительное развитие методологического аппарата изучения миграции было обусловлено объективными обстоятельствами активизации миграционных процессов, в числе которых — наложение процессов глобализации на неравномерное социально-экономическое развитие различных регионов мира (Коллиер 2016). Во второй половине XX в. изменился как масштаб, так и характер перемещения людей. В связи с этим на середину — вторую половину XX в. приходится скачкообразный рост интереса к миграционным процессам. Это было обусловлено объективными процессами, происходящими в разных странах и на разных континентах, которые обычно характеризуются понятием «глобализация» и связаны, в числе прочего, с распадом империй, отделением бывших колоний и реструктуризацией мировой экономики.

Вторая половина XX в. характеризовалась высоким уровнем не только трудовой миграции из менее экономически развитых стран в более развитые, но и большим количеством беженцев, которые старались спастись от нестабильности стран третьего мира. Миграционные процессы приобрели существенные отличия от более ранних массовых перемещений: в них оказались вовлечены как страны с длительной миграционной историей (США, Австралия, Канада), так и страны, где раньше не было большого количества мигрантов (страны Западной Европы, Япония). В связи с активизировавшимися миграционными процессами в этот период для многих стран назрела необходимость разработки адекватной миграционной политики, что в свою очередь поставило ученых перед необходимостью комплексного познания сущности, раскрытия закономерностей и механизмов миграционных потоков, их моделирования, диагностики и прогнозирования (Юдина 2006).

Таким образом, в конце XX в. на фоне критики теорий ассимиляции и констатацией неудачи проекта мультикультурализма (Malik 2015), назрела необходимость в новом подходе к миграционным исследованиям, способным анализировать влияние миграции как на страну исхода мигранта, так и на принимающее общество.

Миграционный процесс с позиций транснационального подхода

Из всего многообразия теорий, которые появились в этот период, наиболее перспективным нам представляется сравнительный транснациональный подход. Не останавливаясь на определении и истории возникновения транснационализма (Степанов 2018), обозначим аргументы в пользу обозначенного выше подхода.

Во-первых, проведение сравнительных и сравнительно-исторических исследований дает возможность преодолеть дисциплинарные ограничения (Резаев, Стариков, Трегубова 2014; Ragin 1989) и позволяет учитывать влияния сходств и различий в политической, экономической, социальной, культурной сфере, в социально-экономическом и этническом составе миграционных потоков, в исторической динамике миграционных процессов. Так, классик сравнительной методологии Н. Смелзер, утверждает, что сравнительный анализ, междисциплинарность и интернационализация в социальных науках поддерживают и усиливают друг друга: сравнительное исследование позволяет узнавать, как экономические, политические, социальные и т. д. факторы влияют на объект исследования, а интернационализация предполагает, что научное знание, полученное в ходе сравнения разных обществ, охватывает не один конкретный регион, но может быть универсализировано (Smelser 2003). Во-вторых, транснациональный социологический подход позволяет исследовать процессы, происходящие «за пределами» (beyond) национальных границ, которые являются особенно актуальными в эпоху глобализации: в связи с изменениями в характере миграционных процессов появилась необходимость в новых теоретических конструкциях, способных анализировать влияние миграции как на принимающие страны, так и на страны исхода. Транснациональный подход обращается к проблемам адаптации и интеграции мигрантов в принимающих странах, исследуя их социальные связи и повседневные практики — в этом отношении,

он дает возможности для объединения парадигмальных оснований различных социологических направлений.

Ключевым для определения концептуальных рамок изучения современной миграции, на наш взгляд, является понятие «миграционный процесс». В научной литературе существуют различные трактовки данного понятия и различные типологии этапов миграционного процесса. Мы придерживаемся наиболее общего определения, сформулированного П. П. Лисицыным: миграционный процесс — это «последовательная, протяженная во времени цепочка действий, результатом которой является обретение статусов эмигранта и иммигранта с последующей потерей либо обоих статусов, либо статуса иммигранта» (Лисицын 2017: 16). В рамках миграционного процесса, определенного с точки зрения действий мигрантов, мы обращаем внимание на ту их активность, которая происходит во время их пребывания (поселения) на новой территории.

Принимая во внимание множество существующих подходов к классификации мигрантов, мы предлагаем выделять различные типы мигрантов, исходя из того, какие «цепочки целенаправленных действий... выражающихся в конкретных и фиксируемых повседневных практиках» предпринимает перемещаемое лицо (Лисицын 2017: 23). Согласно данной классификации, мигранты подразделяются на трудовых, образовательных, культурных, служебных, семейных и вынужденных. Это разделение является базовым и может быть дополнено иными критериями, важными для конкретного исследования: например, является мигрант внутренним или внешним, или какова гендерная принадлежность мигранта. Что касается критериев легальности, долгосрочности и некоторых других, то их трудно эмпирически операционализировать, поскольку эти характеристики часто меняются в ходе миграционного процесса (легальный мигрант может стать нелегальным, краткосрочная миграция превращается в долгосрочную, и т. д.). Приведенная классификация представляется наиболее обоснованной для эмпирического исследования миграции, так как она предлагает эмпирический критерий фиксации целей мигрантов — их формальные и неформальные практики.

Для определения методологических рамок изучения современной миграции, предлагаемых в настоящей статье, необходимо определить соотношение «миграционного процесса» и понятия транснационализма. При этом мы исходим из того, что транснациональный характер миграции влияет на миграционный процесс в его целостности. Осуществление действий по выезду из страны, определение места

и региона иммиграции, само пребывание на территории принимающего государства, принятие решения о возвращении или о том, чтобы остаться, принятие гражданства (в сочетании с возможностью двойного гражданства) — все эти обстоятельства определяются в том числе и тем, является ли миграция транснациональной или нет. Транснациональный подход к исследованию миграции допускает «продление» миграционного процесса после его формального завершения при наличии неформальных транснациональных практик: с принятием гражданства принимающей страны миграционный процесс не обязательно заканчивается, если имеют место постоянные поездки на родину, общение с родственниками, политическое участие в жизни отправляющего сообщества и т. д. В рамках данной статьи мы остановимся на одной составляющей транснациональных миграционных процессов, а именно, на транснациональных практиках мигрантов в принимающем обществе.

Понятие «транснациональные практики»

Термин «транснациональные практики» требует дополнительного пояснения. Транснационализм как явление, рассматриваемое с позиций перспектив научных исследований, может являться рамочной структурой для описания очень разных ситуаций. С одной стороны, транснационализм может фокусироваться на очень специфических явлениях, присущих небольшому количеству мигрантов, как, например, институционализируемая принадлежность к «общинам/общностям» (*commonalities and communities*), где люди однозначно идентифицируют себя как членов определенной социальной структуры, существующей вне рамок национальных государств. Чувство принадлежности к этому транснациональному сообществу может поддерживаться общими механизмами формирования всякого воображаемого сообщества (язык, религиозная специфика, метамифы об общем происхождении и пр.), а также благотворительной деятельностью, регулярными встречами по принципу этнической общности (например, в землячествах), безадресной взаимной помощью, профессиональными связями и пр. Такого рода активность является следствием функционирования социальных фактов, которые имеют надындивидуальный характер (Андерсон 2016). С другой стороны, транснационализм может включать в себя менее специфические явления, которые присутствуют в индивидуальном опыте почти всех внешних мигрантов (а также

многих внутренних мигрантов, перемещающихся в границах одного государственного образования). Например, мигранты возвращаются «домой» на праздники, поддерживают многочисленные личные связи с родственниками в других странах, отправляют индивидуальные денежные переводы, которые являются основой домашнего хозяйства, смотрят телевизионные программы и интернет-каналы страны исхода, изобретают новые культурные формы, объединяющие элементы культур стран исхода и прибытия¹, продолжают активно использовать свой первый язык и т. д.

Таким образом, перед любым исследователем миграции возникает серьезная проблема. С одной стороны, он опирается на широко цитируемое утверждение Л. Склер: «Транснациональные практики — это и гайки, и болты, и клей, которые удерживают систему вместе» (“transnational practices are then uts and bolts and the glue that hold the system together”) (Sklair 1991: 75). Транснационализм (и понятие транснациональных практик, в частности) уже давно не является маргинальным подходом, и его терминология активно используется в качестве ключевых слов для пропуска на международные конференции². С другой стороны, транснациональные исследования не образуют единый комплекс и не укладываются в одну исследовательскую парадигму. Фактически мы сталкиваемся с конгломератом теорий, который приспосабливается учеными из разных стран к изучению собственной ситуации, но не в смысле концептуальной адаптации, а в попытках поглотить и подстроить под конкретную концепцию собственный эмпирический материал.

С нашей точки зрения, одинаково бесперспективным является как отождествление практик с институтами (например, «практики денежных переводов как транснациональный институт»), так и квазиантропологическая «атомизация» всякой деятельности (например, «уборка в съемной квартире как практики транснационализма»).

Транснациональные практики понимаются нами как типичные (повседневные для данного типа мигрантов) институционализованные

¹ Хорошим примером в данном случае выступают работы: (Eve 2002, 2008), посвященные исследованиям миграции румын и марокканцев в Италию. Особого внимания заслуживают описываемые автором процессы объединения элементов марокканской/румынской и итальянской кухни.

² См., например: секция Международной социологической ассоциации ISA Toronto, July 2018: *Ethnographies of Transnationalism, Displacement and Belonging: The Intersections of Lifestyle Migration/Residential Tourism and Urban Transformation*.

формы социальной активности³, которые позволяют мигрантам одновременно участвовать в социальной жизни страны исхода и принимающего общества, благодаря нахождению в транснациональном состоянии⁴. К транснациональным практикам, как уже отмечалось, относятся визиты на родину, денежные переводы, гражданское участие в жизни страны исхода (формальное и неформальное), формы взаимодействия с друзьями и родственниками в стране исхода и иные явления. При этом в рамках исследования транснациональных практик нас в первую очередь будет интересовать, как именно выполняются все эти действия, какова их типичная форма и последовательность, какие именно социальные и материальные ресурсы задействуются для их выполнения.

Социология повседневности как методологическая «рамка» для изучения транснационализма

Сформулированное выше определение транснациональных практик является результатом обращения к социологии повседневности, которая, с нашей точки зрения, является одной из наиболее естественных «рамок» для социологического исследования транснационализма. Теоретический сдвиг от национальных государств и формальных институтов к транснациональным процессам часто предполагает анализ неформальных практик и повседневных взаимодействий транснациональных мигрантов как в принимающем обществе, так и в стране исхода. В современной социологии можно фиксировать сдвиг к исследованиям повседневной жизни. Так, П. Штомпка пишет о становлении новой парадигмы в социологии — «социологии социального существования» или «третьей социологии», пришедшей вслед за «первой социологией» социальных организмов и систем и «второй социологией» поведения и действия (Штомпка 2009). Центральным

³ В определении форм мы склоняемся к идеям Г. Зиммеля о формах социации как структурах, возникающих на основе взаимного влияния индивидов, групп и чужаков (Громов, Мацкевич, Семенов 1996). Таким образом, всякая индивидуальная активность в том или ином смысле интерпретируется как часть групповой формы взаимодействия.

⁴ В данном случае мы отчасти примыкаем к сформулированным в: (Ritzer 1993; Wasko, Phillips, Meehan 2001) определениям, однако расширяем их через включение транснационализма как причинно-следственной петли (causal loop) воспроизводства повседневных практик. Как мы стремимся показать, транснационализм является движущей силой и каузальным фактором, при этом не может существовать вне повседневности мигрантов.

для социологического объяснения повседневности, согласно аргументации автора, является концептуализация социальных взаимодействий: повседневная жизнь конституируется рутинными взаимодействиями в социальных контекстах. При этом структурные и культурные факторы должны быть «переведены» на «язык повседневных миров» — в данном случае повседневных миров транснациональных мигрантов. Повседневность при этом рассматривается как специфическая комбинация социальных отношений с размытыми границами. Повседневные миры (характеризуемые различными структурами взаимоотношений) изолированы друг от друга не из-за внутренних свойств, но по причине особой констелляции отношений. Так, например, мигранты-рабочие взаимодействуют друг с другом, с властями (полицией), представителями принимающего общества совершенно различным образом. Опираясь на положения «третьей социологии», мы утверждаем, что практики тогда и только тогда могут являться транснациональными, когда они сами формируют транснационализм (как феномен) и одновременно способствуют/подчиняются его воспроизводству через институционализацию повседневности (в этом случае практики уже переходят в исследовательскую парадигму).

Таким образом, социология повседневности представляется оптимальной концептуальной рамкой для исследования транснациональных практик, которые сами являются одной из разновидностей повседневных практик. Социология повседневности позволяет поставить вопрос о том, как именно транснационализм существует в повседневной жизни мигрантов, какие свойства их повседневности способствуют (или препятствуют) воспроизводству транснациональных практик. Кроме того, в рамках социологических исследований повседневности особое внимание уделяется структуре социальных связей людей и соответствующих им повседневных взаимодействий, что позволяет учитывать взаимное влияние транснациональных практик (включая типичные формы общения) и содержательные (смысловые, эмоциональные) стороны социальных взаимодействий мигрантов.

К социологии повседневности примыкает еще один исследовательский поворот, важный для определения концептуальных рамок исследования транснациональной миграции. Исследование повседневных практик и взаимодействий часто предполагает ответы на вопросы, каковы механизмы поддержания социальных связей и общностей и почему к одним практикам люди стремятся, а других — избегают. Здесь на первый план выступает социология эмоций. Истоки социологии

эмоций можно обнаружить в работах классиков социологии (Barbalet 1998), однако как отдельное направление она возникает в середине 1970-х гг. Сегодня она активно развивается и представляет набор конкурирующих и взаимодополняющих теоретических подходов без доминирования какой-либо одной теории (Flam 2005). Значительная часть ее теоретических подходов ориентируется на осмысление эмоций как «двигателя» и результата социальных взаимодействий (Turner 2009; Collins 2004).

Заключение

Социология повседневности и социология эмоций как ее раздел позволяет подойти к ответу на многие эмпирические «загадки», связанные с исследованием миграции. Почему низкоквалифицированные (а иногда и высококвалифицированные) трудовые мигранты, несмотря на тяжелые условия труда, не испытывают недовольства? Почему подавляющее большинство из них стремится вернуться на родину? Кто именно уезжает, а кто остается? Какими путями происходит поиск работы и жилья? Почему трудовые мигранты много говорят по мобильному телефону, с кем и о чем? Для ответа на эти вопросы недостаточно зафиксировать культурные, экономические, национальные характеристики мигрантов — требуется анализ социальных связей и повседневных практик мигрантов в их целостности как на родине, так и в принимающей стране, в том числе — с другими мигрантами. Концепция транснационализма в приложении к исследованиям повседневных взаимодействий мигрантов дает такую возможность.

Источники

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма: Пер. с англ. / Вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб.: «Ольга», 1996. 286 с.

Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир: Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Лисицын П. П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных

исследований // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 11–28.

Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д. Сравнительная социология: общая характеристика и перспективы развития // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 89–113.

Резаев А. В. Сравнительные миграционные исследования на постсоветском пространстве: актуальные вопросы и перспективы развития (вступительная статья приглашенного редактора) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 7. С. 1–10.

Скворцов Н. Г. Трудовая миграция в современной России: этническое измерение социального неравенства // Современные проблемы исследований транснационализма и миграции: сб. науч. тр. / Под ред. П. Кивисто, А. В. Резаева. СПб., 2015. С. 16–21.

Степанов А. М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Сер. 12, Вып. 1. С. 116–127.

Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии: Пер. с англ. // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13.

Юдина Т. Н. Социология миграции: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006. 272 с.

Barbalet J. Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1998. ix+210 p.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton University Press, 2004. 464 p.

Eve M. Is Friendship a Sociological Topic? // Archives européennes de sociologie. 2002. № 3. DOI: 10.1017/S0003975602001157.

Eve M. Some sociological Bases of transnational Practices in Italy [Ressource électronique] // Revue européenne des migrations internationales [Enligne]. 2008. Vol. 24. URL: <http://journals.openedition.org/remi/4522> (date d'accès: 21.07.2018).

Flam H. Introduction/Emotions and Social Movements / Ed. by H. Flam, D. King. 2005. P. 1–18.

Malik K. The Failure of Multiculturalism: Community Versus Society in Europe // Foreign affairs (Council on Foreign Relations). 2015. 94 (2). P. 2132.

Ragin C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley: University of California Press, 1989. 185 p.

Ritzer G. The McDonaldization of Society. Thousand Oaks, CA: Pine Forge, 1993.

Sklair L. Sociology of the Global System. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 1991.

Smelser N. On Comparative Analysis, Interdisciplinarity and Internationalization in Sociology // *International Sociology*. 2003. 184 (4). P. 643–657.

Turner J. H. The Sociology of Emotions: Basic Theoretical // *Emotion Review*. 2009. Vol. 1, No. 4. P. 340–354.

Wasko J., Phillips M., Meehan E. R. Dazzled by Disney: The Global Disney Audiences Project. London: Leicester University Press, 2001.

References

Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imaginary Communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]*. Transl. from English. Introd. by S. P. Bankovskaya. Moscow, Kuchkovo Pole, 2016, 416 p. (In Russian)

Barbalet J. *Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge (MA), Cambridge University Press, 1998, ix+210 p.

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004. 464 p.

Eve M. Is Friendship a Sociological Topic? *Archives européennes de sociologie*, 2002, no. 3. DOI: 10.1017/S0003975602001157.

Eve M. Some Sociological Bases of Transnational Practices in Italy. *Revue européenne des migrations internationales* [Enligne], 2008, vol. 24, URL: <http://journals.openedition.org/remi/> (date d'accès: 21.07.2018).

Flam H. *Introduction/Emotions and Social Movements*. Ed. by H. Flam, D. King. 2005, p. 1–18.

Gromov I., Matskevich A., Semenov V. *Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya [Western Theoretical Sociology]*. St. Petersburg, Olga, 1996, 286 p. (In Russian)

Collier P. *Iskhod. Kak migratsiya izmenyaet nash mir [Exodus. How migration is changing our world]*. Transl. from English. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2016. (In Russian)

Lisitsyn P. P. Granitsy i sodержanie migratsionnogo protsessa: teoreticheskoe opredelenie i operatsionalizatsiya ob'ektov migratsionnykh issledovaniy [Borders and Content of the Migration Process: Theoretical Definition and Operationalization of Migration Research Objects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2017, no. 1, pp. 11–28. (In Russian)

Malik K. The Failure of Multiculturalism: Community Versus Society in Europe. *Foreign affairs (Council on Foreign Relations)*, 2015, 94 (2), pp. 2132.

Ragin C. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press, 1989. 185 p.

Rezaev A. V. Sravnitel'nye migratsionnye issledovaniya na postsovet'skom prostranstve: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya (vstupitel'naya stat'ya priglashennogo redaktora) [Comparative Sociology: General Characteristics and Development Prospects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]*, 2017, no. 7, pp. 1–10. (In Russian)

Rezaev A. V., Starikov V. S., Tregubova N. D. Sravnitel'naya sotsiologiya: obshchaya kharakteristika i perspektivy razvitiya [Comparative Sociology: General Characteristics and Development Prospects]. *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*, 2014, no. 2, pp. 89–113. (In Russian)

Ritzer G. *The McDonaldization of Society*. Thousand Oaks (CA), Pine Forge, 1993.

Sklair L. *Sociology of the Global System*. Baltimore (MD), The Johns Hopkins University Press, 1991.

Skvortsov N. G. Trudovaya migratsiya v sovremennoj Rossii: etnicheskoe izmerenie sotsial'nogo neravenstva [Labor migration in modern Russia: the ethnic dimension of social inequality]. *Sovremennye problemy issledovanij transnatsionalizma i migratsii. Sbornik nauchnykh trudov* [Modern problems of research of transnationalism and migration. Collective scientific papers]. Ed. by P. Kivisto, A. V. Rezaev. St. Petersburg, 2015, pp. 16–21. (In Russian)

Smelser N. On Comparative Analysis, Interdisciplinarity and Internationalization in Sociology. *International Sociology*, 2003, 184 (4), pp. 643–657.

Stepanov A. M. Transnatsional'nyj podkhod v sovremennykh migratsionnykh issledovaniyakh [Transnational approach in modern migration research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2018, ser. 12, iss. 1, pp. 116–127. (In Russian)

Sztompka P. V fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn'. Novyj povorot v sotsiologii [The focus of attention is everyday life. New turn in sociology]. Transl. from English. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2009, no. 8, pp. 3–13. (In Russian)

Turner J. H. The Sociology of Emotions: Basic Theoretical. *Emotion Review*, 2009, vol. 1, no. 4, pp. 340–354.

Wasko J., Phillips M., Meehan E. R. *Dazzled by Disney: The Global Disney Audiences Project*. London, Leicester University Press, 2001.

Yudina T. N. *Sotsiologiya migratsii. Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Sociology of Migration. Proc. manual for universities]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2006, 272 p. (In Russian)